Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (https://imonspb.ru)

Игумен (настоятель) монастыря: как сочетать духовное водительство и отношения с внешним миром. Архимандрит Елисей

*Доклад **архимандрита Елисея, настоятеля монастыря Симонопетра (Святая Гора Афон)** на Международной богословской научно-практической конференции «Монашество Святой Руси: от истоков к современности» (Москва, Покровский ставропигиальный женский монастырь, 23−24 сентября 2015 года).*

Ваши Высокопреосвященства!

Ваши Высокопреподобия, досточтимые настоятели и настоятельницы монастырей!

Приняв почетное приглашение Его Высокопреосвященства архиепископа Сергиво-Посадского Феогноста, я обращаюсь сегодня к вашему монашескому съезду с настоящей речью, которую огласит досточтимый архимандрит Серапион, эконом нашего подворья в Ормилии, поскольку сам я оказался не в состоянии присутствовать лично в силу уже давно взятых на себя на это время обязательств.

Такие съезды очень важны для того, чтобы мы имели возможность встречаться и общаться во имя Христово, поскольку Сам Христос присутствует среди нас.

Тема выступления, которую предложил мне владыка архиепископ, сложна и трудна и, к тому же, волнует всех нас, так как мы пытаемся в условиях современных коммуникаций, найти царственный и срединнный путь святых отцов Церкви, чтобы с одной стороны, сохранить традицию монашества, а с другой – соответствовать и реалиям нашего времени.

Давайте же хотя бы схематично рассмотрим основные составляющие личности игумена.

1. Духовный водитель.

Святитель Василий Великий, как известно, пишет, что игумен занимает в монастыре место Бога, «во образ Христа». Старец Эмилиан Симонопетрский в свою очередь поясняет, что настоятель монастыря, представляющего собой полноту Соборной Церкви в одном конкретном месте, есть зримая составляющая таинства, которая скрывает в себе незримый источник – Бога. В первую очередь настоятель есть руководитель, творец, который руково́дит и тайново́дит души, указует им путь к совершенству и к та́инственному единению со Христом.[1]

Соответственно, благословение настоятеля служит для братии удерживающей силой, дабы все совершалось во имя Господа. Целуя руку настоятелю и полагая земной поклон перед игуменским местом даже во время его отсутствия, мы не просто совершаем формальные действия, ибо в этом сокрыта таинственная энергия.

2. Необходимые качества игумена

Коль скоро Церковь придает такое значение институту настоятельства, это означает, что она воспринимает его не просто как обычного управленца. Он должен – по крайней мере в теории – сочетать в себе исключительные способности для надлежащего выполнения своего таинственного служения и, разумеется, он должен являть собой образец монашеского жития. От его жизни во многом зависит преуспеяние братии, потому что его житие есть «яркий пример»[2], так что «и молчащему ему, пример его дел сильнее всякого слова научает»[3].

Среди многих добродетелей, которые святые отцы требуют от настоятеля, святитель Василий Великий особо подчеркивает:

«Хорошо умел бы руководить шествующих к Богу… не рассеян, не сребролюбив, непопечителен, безмолвен, боголюбив, нищелюбив, не гневлив, не памятозлобен, силен в назидании сближающихся с ним, не тщеславен, не

высокомерен, не льстив, не изменчив, ничего не предпочитал Богу». [4]

Важный элемент в цитируемом месте из Василия Великого обозначен словом «непопечительный». Это слово не означает медлительного, бездеятельного или безразличного человека, но того, кто не скован окружающими его заботами и не привязан к мирским вещам. Следуя этому принципу, старец Эмилиан Симонопетрский хотел, чтобы игумен был «отстраненным» и глубоко проживающим таинство присутствия Христа, дабы он мог передать его братии:

Настоятель отчужден от всего и чужд всему… Это некто, умерший для всех и для всего, но живой только для Бога и его чад. Если он не будет чужим и отчужденным, он будет во власти обстоятельств, впутанным в тысячи дел и не сможет быть настоящим отцом для своих детей… Он должен быть нерассеянным умом и непопечительным человеком.[5].

Также игумен (старец) является служителем слова. Настоятель подводит каждого монаха к возможности предстояния перед Богом, но и он же своим словом поддерживает и взращивает умостроение и нрав братии. Он вводит монахов в течение святоотеческой мысли, в область проживания ими Бога.[6]

3. Административная ответственность

Наряду с духовными обязанностями Церковь наделяет настоятеля и административными функциями. Он выступает законным представителем монастыря перед органами государственной власти и, соответственно, на его плечи возлагаются административные функции. Даже не обладая исключительными полномочиями в принятии решений, и управляя братством «в совете со старшей братией», уже византийские уставы полагают в нем «воплощение управления и устроения монастыря»[7].

Таким образом, настоятель служит и «связующим звеном» между монастырем и «миром». Стало быть, он не только выступает как «отстраненный» человек, о чем говорилось выше, но должен быть главным администратором некоего сообщества со своими практическими нуждами, который испытывает давление, соприкасаясь с логикой этого мира. Это составляет человеческое измерение этого таинства и соблюдение равновесия является, пожалуй, наиболее труднодостижимым делом игумена. Духовные и административные способности совмещаются в одном лице с таким трудом, что святитель Василий Великий не советовал основывать различные монастыри в одной и той же области в силу того, что нелегко подобрать для них достаточного количества людей, обладающих соответствующими дарованиями.[8]

Как же можно совместить ответственность духовную и административную? Скажу прямо – это вопрос непростой, который многих ставит в затруднение.

Прежде всего, стоит отметить, что существуют определенные параметры, которые должны быть приняты во внимание при изучении этого вопроса, так что было бы ошибкой навязывать здесь некие строгие, можно сказать «догматические» рамки.

а. Первое – индивидуальные черты характера настоятеля.

Не все люди одинаковы. Один обращен скорее вовне (экстраверт), другой же – внутрь себя (интроверт), один более общительный, другой – скорее скрытный. Разумеется, в идеале игумен не должен был бы покидать пределы монастыря. Однако выполнение необходимых функций не должно влиять на монашеское устроение. Его деятельность должна быть подчинена нуждам монастыря. Она не должна вытекать из его личного выбора, но быть ответом на возникающие потребности и не становиться предметом его постоянного попечения и «связывать» его. Это предполагает мирное жительство, при котором «в покое одного места и остальные проводили бы мирное и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте».

б. Второе – это традиции области, где расположен монастырь, его ценности, история и особенности каждой эпохи.

Одно дело, когда монастырь основан на расстоянии от мира, а другое – если он находится в центре Константинополя, Москвы, Рима, Афин или Каира.

Традиция, как Востока так и Запада, показывает, что вокруг монастырей развивались культура и образование, возникали поселения и города, как и в Лавре преподобного Сергия. Обители служили полюсом притяжения, источником вдохновения и прибежищем утешения. Бремя этих начинаний и усилий в первую очередь ложилось на игумена монастыря и старшую братию.

Даже в трудные времена, такие как период иконоборчества или османского господства и другие подобные им, как в частности нынешние войны, проблемы в обществе или даже социальные «взрывы», монастыри принимают на себя и исполняют особую роль – культурную, апологетическую, образовательную, социальную или духовную, оказываясь в первых рядах тех, кто подвергается опасности, отстаивая православную веру.

Также иной раз игумену и братии приходится брать на себя руководство возрождением иноческой жизни в монастыре, имеющим статус исторического памятника, и даже его тщательную и комплексную реставрацию, что требует

специальных знаний, соблюдения многочисленных процедур и изыскания достаточных финансовых средств. К этому следует добавить и управление монастырем как местом, где были явлены всему православному миру чудесные события или святость некоего подвижника.

в. Третья составляющая – это разнообразие формулировок монастырских уставов. Данная традиция одинакова не во всем.

Мы видим, что сохранившиеся византийские уставы демонстрируют нам большое разнообразие в отношении вышеозначенных характеристик. Несмотря на наличие так называемых уставных «семей», то есть уставов, созданных под влиянием и по подобию определенного прототипа, мы можем совершенно справедливо заключить, что ни один из монастырских уставов полностью не повторяет другой. Таким образом, становится ясно, что Церковь, с одной стороны, сохраняла общность неких принципов и правил, а с другой – поощряла благие намерения и произволения своих верных чад, дабы поддержать развновесие между устоями и благодатью, избегая при этом уклонения в ту или иную крайность, и чтобы соблюсти гармоничное соработничество канонов и благодати.

г. Четвертая составляющая характера старца – это его харизма, то есть особое дарование, которое делает его достоянием всей Церкви поверх канонов и условностей. Старец Эмилиан Симонопетрский в одном из своих поучений на тему «Благословение святогорских святых для Македонии» пишет:

«Когда же воля Божия обретает в священнобезмолвствующих избранные сосуды, то она выводит их на путь назидания народа. В большинстве же случаев святогорцы уходили [с Афона] по необходимости в силу обстоятельств или взыскую большего безмолвия. Божественное Провидение промыслительно взирает на монахов-подвижников и сопутствует им, так что даже сам факт их ухода перерастает в благословение и в семя духовное. Они же утешением своим тогда имели Богородицу как Союзницу, Покровительницу, Целительницу, Питальницу, и Заступницу»[9].

*д. Пятая составляющая связана – разумеется, сообразно обстоятельствам – с насущными и неотложными потребностями Церкви, как пастырскими, так и миссионерскими.*Тогда Церковь через своих архипастырей обращается за помощью к игуменам или иеромонахам или к харизматичным старцам. Многие из них стали епископами, как святители Григорий Палама, Филофей Коккин, Василий Фессалоникийский, ученик преподобного Евфимия Солунского (Нового).

Так вот, в житии преподобного Евфимия (святогорца, великого подвижника и учителя святителя Василия Фессалоникийского, жившего в IX веке) говорится: «Вновь пришел святой Евфимий с Афона в Фессалонику. Его приняли… как ангела, спустившегося из Небесного святилища… благочестивый народ толпился и теснился вокруг него и толкался: кто первый насладится видением его и возмет у него отеческое благословение»[10]. «Это было самым обыкновенным отношением к святогорцам и отцам, блиставшим аскезой и святостью жизни»[11]. А здесь в России возведение в епископский сан настоятелей крупных монастырей разве не подтверждает подобные примеры?

Многие епископы ищут помощи со стороны игуменов, особенно в миру, и принимают ее, как прежде, так и в наше время, что часто случалось и продолжает происходить на Святой Горе (основание обителей святогорцами в славянском мире, а также примеры священномученика Косьмы Этолийского, преподобного Паисия Святогорца, отцов Амфилохия (Макриса), Филофея (Зервакоса), Иеронима Симонопетрского, о. Гавриила Дионисиатского, Парфения, игумена обители св. Павла, Георгия (Капсаниса), Василия (Гондикакиса) и других ныне здравствующих настоятелей).

Как же все-таки может – в рамках основных традиционных принципов и всего разнообразия форм служения – сочетаться духовное водительство братией с административными заботами игумена и с его отношениями с внешним миром?

1. Разграничение административно-хозяйственных функций.

Прежде всего надо сказать, что более чем тысячелетняя традиция Святой Горы пришла в своем развитии к следующей схеме управления, которая облегчает бремя хозяйственных обязанностей игумена.

Игумен осуществляет управление вместе с Собором старцев (Геронтией), которые берут на себя главные области управления (наместник, казначей, заведующий канцелярией и проч.). Двое или трое из соборных старцев избираются эпитропами и составляют вместе с игуменом Эпитропию или совет при игумене, который, с одной стороны, следит за исполнением решений Собора старцев, а с другой стороны ведает текущими вопросами, беспокоящими братию. Таким образом, эпитропы берут на себя значительное бремя повседневных практических вопросов, оставляя игумена более свободным и непопечительным.

В Карее, административном центре Святой Горы Афон, где расположен Священный Кинот, каждая обитель имеет своего представителя (антипросопа) из числа своей старшей братии, в то время как на подворьях основные

обязанности возлагаются на эконома. Игумен (старец) обо всех имеет попечение и, как уже говорилось, благословляет всех и устрояет все по Божьему. Однако он не вникает в детали, выигрывая необходимое время.

Таким образом, традиция Святой Горы, как представляется, являет собой средоточие предшествующих монастырских обычаев.

В целом, в византийских уставах ведущую роль в управлении монастырем играет «эконом», насельник обители, который во многих случаях является вторым после игумена лицом и его потенциальным преемником. В его ведении находятся все финансовые функции и правовые вопросы, которыми он всегда распоряжается от лица настоятеля.[12]Впрочем, существовали и «экономы» подворий и монастырских угодий. В этом отношении вызывает интерес – и здесь, пожалуй, можно провести аналогию с нынешними крупными российскими монастырями – устав византийского императора Иоанна II Комнина (1118-43), составленный для монастыря Пантократора (Вседержителя) в Константинополе (1136).

Монастырь вел широкую благотворительную деятельность, содержа больницу на пятьдесят мест[13], дом престарелых и лепрозорий[14]. Поскольку к монастырю были приписаны многие другие обители и целые деревни, и в то же время требовалось особое попечение по функционированию зависимых от него учреждений, где было невозможно постоянное присутствие игумена «яко не могущу ему на толикия разделитеся», император постановил, чтобы управление всем этим осуществлялась через соответствующих экономов.[15]Императорский текст великолепен, и вы найдете его в моем переводе в сносках[16].

В другом месте, например в ктиторском ставе Григория Пакуриани (1083) для Иверского (грузинского) монастыря Богородицы Петрицонитисы, два монаха, именуемые эпитропы, помогают игумену в хозяйственном управлении[17].

В некоторых византийских монастырях, таких как обитель Эвергетиды (Благодетельницы) или преподобного Неофита на Кипре, управление монастырем было разделено между двумя лицами: игуменом, который имел попечение по большей части о молитве и духовном водительстве монахов и мог даже пребывать в затворе, и экономом, который ведал управлением и внешними сношениями[18]. Такое решение не закрепилось на Святой Горе и не вошло в обычай среди греческих монастырей. Вполне вероятно, что и по этой причине как на Западе, так и на Руси разделились обязанности между игуменом, который сосредоточился на административных функциях, и избранным братией духовником.

Однако, это разделение оказывается в ущерб значению игумена как образа Христа и духовного отца братства.

Возложение обязанностей на братию предполагает в первую очередь их глубокое воспитание в послушании, в ответственности, в суровости и в доверии, чтобы они могли созреть и проникнуться духом старца. Как известно, именно любовь, самоотречение и доверие, а не принуждение властью, контролем и дисциплиной, созидает и утверждает эти связи. Эти последние также необходимы, иногда более чем необходимы, но они используются как средства равновесия при совместном жительстве. Сами по себе они не стимулируют духовную жизнь, жертвенность и любовь к Богу, к старцу и к братии.

Наконец, игумен может возложить внешние попечения, при единодушном согласии Совета старцев, и на благочестивых мирян.[19]

2. Внешние сношения

Нужно остановиться и на некоторых нюансах организации внешних сношений монастыря.

«Мир» в аскетической традиции означает не только «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1 Ин. 2:16), но и «развлечение ума». «Умозрение мирского творит смятение душе» монахов, по словам преподобного Исаака Сирина.[20]

Относительно частоты оставления игуменом обители трудно сформулировать некие общие правила, поскольку каждая обитель имеет свои потребности, и изначально игумены важнейших обителей, помимо внутримонастырских забот, принимали участие в жизни Церкви и общества. Однако, действует тот общий принцип, согласно которому игумену необходимо «пребывать в пределах своей Овчарни, оставляя ее столько раз, сколько потребно Общежитию и его необходимым связям с внешним миром».[21]При этом игумен всегда должен иметь в виду, что его пастырское попечение о монастыре и духовном преуспеянии монахов вносят значительный вклад в жизнь Церкви незримым, но весьма действенным образом.

В нынешнюю эпоху ускорения информационных потоков и средств коммуникации, легкости передвижения, универсализации и глобализации процессов внутри Православия, игуменам приходится значительно чаще чем прежде покидать свои обители. Помимо привычных административных нужд монастырей, возникают многочисленные обязанности (исповеди, проповеди и т. д.).

Игумены, выходя из монастыря, должны по возможности соблюдать аскетический настрой и устав монастыря, начиная с того, как они одеты и что едят, и заканчивая исполнением своего келейного правила и совершения богослужений. Это сохраняет в них монашеский настрой и являет добрый пример как для самих монахов, так и для мира.

Зачастую этот настрой и деятельное подвижничество достаточны для устроения наших дел и потребностей. Давайте обратимся к примеру преподобного Саввы Освященного, которого дважды отправляли в Константинополь для защиты православной веры и испрашивания налоговых послаблений для Иерусалимской Церкви. Решающими для достижения результата оказались его смирение и тот божественной свет, который он собою излучал[22].

С другой стороны, современные возможности позволяют игуменам ускорить возвращение в свою Овчарню, сохраняя при этом непосредственный контакт со своим заместителем или с ответственными братиями, направляя их круг общения и определяя приоритеты.

В общем и целом, жизнь игумена в бдении и молитве и истинное переживание богослужения как горнего откровения, порождает подлинность отцовства по отношению к братии и обращенного к ней слова. Это, в свою очередь, постепенно приводит к рассуждению, с которым игумен управляет и действует и «по совету», и самостоятельно, имея на то полномочия, позволяющие ему самолично выбирать род занятий, попечений и контактов для заботы о преуспеянии и возрастании братии. Как в обители, так и вне ее, он должен сам решать, где его личное присутствие нужнее и возлагать на себя дополнительные духовные обязательства, при условии, что они не вредят его главному служению в монастыре. Тогда уже не Устав налагает обязательства и их выбор на игумена, но он сам в своем лице становится по благодати носителем духа, исполнителем заповедей и правды Божией, источником рассуждения и примера, так что «он сам становится становится ангелом Божиим из человеков, водительствуя среди них»[23].

Заключение

Монастырь, как «скиния Бога с человеками»,[24]представляет собой сообщество и способ воплощения в жизнь евангельского идеала жизни по Боге. Совместное жительство в монастыре, по словам старца Эмилиана Симонопетрского, подобно небесному жительству, оно не имеет своей целью достижение мирских или идеологических целей, но только духовную жизнь, которая достигается подвижничеством и стремлением к та́инственному видению Бога. Для игумена

достаточествует и преизбыточествует посвятить себя служению и водительству малого или большого братства.

Хозяйственные дела и контакты с внешним миром являются не чем-то желательным, но необходимым и неизбежным, частью нашего «земного странствия».[25]Их берут на себя игумен и старшая братия, движимые любовью и самопожертвованием, чтобы защитить остальных братий, дабы они пребывали неотвлеченно в делании Божием.

В случае, когда игумен вынужден заниматься внешней деятельностью, предание и наш собственный опыт говорит, что единственным способом выиграть время и выполнить свое духовное предназначение в монастыре, является избрание и назначение ответственных лиц, монахов или мирян одного с ним духа. Им он передоверяет общее попечение и преподает благословение, принимая самостоятельно главные решения. При этом требуется, чтобы эконом или любое другое ответственное лицо, сохранял смирение, зная, что он пребывает в послушании. Если он возомнит себя «управителем», его необходимо сменить.

Также стоит остановиться вкратце – поскольку это потребовало бы отдельного сообщения – что старец Эмилиан хотел, чтобы монахи научились так жить под покровом старца, даже без его непосредственного присутствия, как если бы он находился с ними. Чтобы они были тверды и неколебимы в своей духовной жизни, ощущая на себе зрак Господа и старца и не имея таким образом необходимости в непосредственном контроле с его стороны.

Наконец, поскольку всякая деятельность затягивает братство, даже помимо нашего желания, и не каждый это выдерживает, в монастырях или на подворьях должны быть обустроены более уединенные места, чтобы и сам старец мог уединяться, и имеющие предрасположенность к безмолвию.

Если игумен, занимаясь необходимой внешней деятельность, может сохранить мистический характер, который Церковь придает его личности, тогда по возвращении в обитель он будет словно и не покидавший ее, и братия примут своего отца с теплотою в уверенности, что он им служит, их утверждает и лично присутствует даже во время своих отлучек. Их сердце говорит им, что он всячески и всеми своими силами служит Церкви и ближнему. Игумен, который и во время своих поездок за пределы монастыря и контактов с внешним миром в силах сохранить состояние отрешенности, рассудительного подвижничества и трезвения станет истинным пастырем для братии, которая под его водительством будет неуклонно стремиться к грядущему Царствию. Тогда и подтвердится мысль о том, что «монашеское жительство есть наиболее полная

форма проявления Бога в этом мире» и что «монастыри не просто полезные институты Церкви, но места, где учение Христово подтверждается опытно»[26].

Святая Гора Афон, 2015

[1]Архимандрит Эмилиан, Интервью программе Südwestfunk: «Athos. 1000 Jahre sind wie ein Tag» («Афон. 1000 лет как один день») 1981.

[2]Святитель Василий Великий, Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах, 43 (PG 31, 1028).

[3]. Святитель Василий Великий, Указ. Соч., 43 См. также Никифор Мистик, Устав священной обители Пресвятой Богородицы Τυπικόν τῆς σεβασμίας Μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῶν Ἠλίου Βωμῶν ἤτοι τῶν Ἐλεγμῶν..., изд. Алексей Дмитриевский, Описание литургических рукописей т. 1: Уставы, Киев, 1895, глава 41, «Поучение Настоятелю», стр. 755: «Будь ровен с братьями, милостив, опекай их и всем им оказывай отеческую благосклонность… Обо всех пекись и заботься, терпи всех, терпеливо вразумляй, наставляй, учи, увещевай, болящих исцеляй, страждущих поддерживай, малодушных утешай, согрешающих верни на путь истинный, до семидесяти семи раз прощай, по призыву Господа…».

[4]Святитель Василий Великий, Слово о подвижничестве, A, 2, (PG 31, 632).

[5]Архимандрит Эмилиан, «Старец и послушник», Собор святых Симонопетрского монастыря Σύναξις Ἱ. Μ. Σίμωνος Πέτρας 1978, стр. 4. См. также «О старце», Собор святых Священной Общины монастыря Благовещения Пресвятой Богородицы в Ормилии (Σύναξις Ἱ. Κ. Εὐαγγελισμοῦ τῆς Θεοτόκου Ὁρμυλίας), 1978: «Мертвый для государства, для мира, для современного, для древнего, для того что внутри и для того что снаруж… игнорирующий все. Но внутри него пусть будет живость вечности, внутри него пусть пребывает жизнь истинная… Он живет между жизнью и смертью, подавая монастырю эсхатологический знак. И так в этом мраке, в этой тьме, в этом неведении да будет Божия воля, Божие просветление. Свет невечерний исходящий, беспрестанно исходящий от Света».

[6]«Старец – это тот, кто обладает словом истины и служит душам посредством этого слова. Он служитель слова и призван говорить устами, говорить глазами, говорить сердцем, говорить прежде всего безмолвием», Архимандрит Эмилиан, «Ἔννοια τοῦ Γέροντος», Собор святых Священной Общины монастыря Благовещения Пресвятой Богородицы в Ормилии Σύναξις Ἱ. Κ. Εὐαγγελισμοῦ τῆς Θεοτόκου Ὁρμυλίας, 1976.

[7]Конидарис И. Рассмотрение монастырских уставов с юридической точки зрения, Афины, 2003, стр. 205.

[8]Святитель Василий Великий, Правила пространно изложенные в вопросах и ответах 35, (PG 31, 1005).

[9]Архимандрит Эмилиан, Слова и Наставления, М: Издательство храма святой мученицы Татианы при МГУ, 2006, т. I, Печать Истинная, Благословение Святогорских святых Македонии, стр. 254.

[10] L. Petit, «Vie et office de saint Euthymie le Jeune», Bibliotheque Hagiographique Orientale, τ. 5, Paris, 1904, p . 39.

[11]Архимандрит Эмилиан. Указ. соч. С. 253

[12]Конидарис И. Рассмотрение монастырских уставов с юридической точки зрения, Афины, 2003, стр. 207.

[13]Ἰωάννης Β΄ Κομνηνός, Τυπικόν τῆς βασιλικῆς μονῆς τοῦ Παντοκράτορος, Gautier, P., “Le typikon du Christ Sauveur Pantocrator”, Revue des Études Byzantines 32 (1974), σσ. 83-109.

[14]Иоанн II Комнин, Устав монастыря Пантократора (Вседержителя). По благотворительным учреждениям монастыря см. Κωνσταντέλος, Βυζαντινή φιλανθρωπία, σσ. 230-37. Подобную благотворительную деятельность вел и монастырь, где подвизался брат Исаака Комнина и который содержал больницу для престарелых (см. Устав [Севастократора] Исаака, сына Великого Василевса Кира Алексия Комнина при открытии нами новоучрежденного монастыря. Παπάζογλου, Γ.Κ., Τυπικόν Ἰσαακίου Ἀλεξίου Κομνηνοῦ τῆς Μονῆς Θεοτόκου τῆς Κοσμοσωτείρας (1151/52), Κομοτηνή, 1994, σσ. 85-86, 101-106 καί 131-132.

[15]Иоанн II Комнин, Устав монастыря Пантократора (Вседержителя), σσ. 113-115. О приписных монастырях см. см. σσ. 69-73. Об угодиях см. σσ. 115-125.

[16]«Поскольку велико бремя попечений, как внутри, так и вне обители, связанных как с делами духовными, так и телесными, как это изложено в самом Уставе, делается разумное напоминание, что Игумен монастыря не в состоянии единолично предстоять и презирать все означенное в равной степени, поскольку он сможет разделить себя между столькими делами, так что по причине мы положили назначить различных экономов… Игумену же прилежно и тщательно надзирать за всеми экономами на местах и направлять их к надлежащему исправлению… Все экономы должные действовать с ведения и одобрения Игумена…»

[17]Устав, составленный великим доместиком Запада киром Григорием Пакуриани для основанной им обители Пресвятой Богородицы Петрицонитисы. Gautier, P., “Le typikon du sébaste Grégoire Pakourianos”, Revue des Études Byzantines 42 (1984), σ. 59 καί σ. 85.

[18]Изложение и повествование о жительстве монахов обители Пресвятой Богородицы Эвергетидской (Благодетельницы), составленное священноиноком монахом Тимофеем, ставшим священноигуменом после основателя обителя сей. Gautier, P., “Le typikon de la Théotokos Évergétis”, Revue des Études Byzantines 40 (1982), σσ. 47-51.

Монаха Неофита Пресвитера и затворника Νεοφύτου Πρεσβυτέρου μοναχοῦ καί ἐγκλείστου τυπική σύν Θεῷ διαθήκη περί τῆς ἰδίας ἐγκλείστρας νήσου Κύπρου τῆς Παφηνῶν ἐπαρχίας, τῆς καί νέας Σιών ἐπονομασθείσης, ἤτοι ἐξ εὐδοκίας Θεοῦ σκοπευτήριον ἔνθεον, Ἱ. Μ. Ἁγίου Νεοφύτου, Ἁγίου Νεοφύτου τοῦ Ἐγκλείστου Συγγράμματα, τ. Β΄, ἐπιμ. τῆς Τυπικῆς Διαθήκης Στεφανῆς, Ι.Ε, Πάφος, 1998, σσ. 36 καί 43-44.

[19]Для разрешения внешних вопросов законодательство Юстиниана определяет «апокрисиария», то есть некое внешнее лицо, зачастую из обладающих политическим весом – которое бы несло ответственность за связи обители с гражданскими и церковными властями. Преподобный Афанасий в своем Уставе (1005) назначает (внешним) Эпитропом патриция Никифора из славнейших, как равнодушного к житейским благам. Михаил Атталиат в Завещании (1077) основанному им монастыря, определяет эпарха как защитника в судах интересов монастыря и его нищеприимного дома «ради спасения своея души». Участие мирян, несмотря на имевшие место злоупотребления было, как представляется, необходимым и неизбежным. Важнейшую роль в византийский период играла должность эфоров, иначе говоря смотрителей, а также должность харистикариев (следивших за использованием имущества, отписанного монастырю – прим. пер.). Многие ктиторы в эфоры выбирали самого императора. Участие мирян в церковной деятельности было неотъемлемой частью жизни в Церкви в целом. Наряду с этим, согласно церковному праву, монахам запрещалось принимать на себя попечение о мирском и покровительство со стороны мирян, когда оно было сознательным, позволяло монахам следовать неотступно и неуклонно своему духовному предназначению.

[20]Ἀββᾶς Ισαάκ, Λόγος 73, 33

[21]Архимандрит Эмилиан Симонопетрский Ἀρχιμ. Αἰμιλιανός, «Κανονισμός Ἱ. Κοινοβίου Εὐαγγελισμοῦ τῆς Θεοτόκου», 14, Κατηχήσεις καί Λόγοι 1, Σφραγίς

Γνησία, σ. 191.

[22]Кирилл Скифополит, Житие п реподобного Саввы, ἔκδ. Schwartz, Leipzig, 1939, σ. 142 καί σ. 178 Ὅταν τόν ἀναζήτησε ὁ Βασιλεύς Ἀναστάσιος, βρῆκαν τόν ἅγιο σέ μία γωνία τοῦ κονσιστορίου, ὅπου στιχολογοῦσε ἥσυχα τούς Ψαλμούς. Καί τήν δεύτερη φορά, ὅταν ἐστάλη στήν αὐλή τοῦ Ἰουστινιανοῦ μετά ἀπό τήν αἱματηρή ἐξέγερσι τῶν Σαμαρειτῶν (531), μόλις ὁ αὐτοκράτορας τόν εἶδε ἐξαστράπτοντα ἀπό θεῖο φῶς, ἔτρεξε νά προσκυνήση τόν Γέροντα καί ἀμέσως διέταξε νά γίνουν δεκτές οἱ παρακλήσεις πού τοῦ παρουσίασε γιά τήν Ἐκκλησία. Καί ἐνῶ οἱ ὑπάλληλοι διεκπεραίωσαν τήν ὑπόθεσι, ὁ ὅσιος στεκόταν πάλιν κατά μέρος ἀπαγγέλλοντας τήν Τρίτη Ὥρα. Σέ ἕνα μαθητή, πού ἀποροῦσε γιά τήν φαινομένη ἀδιαφορία του γιά τόσο σημαντική ὑπόθεσι, ἀπήντησε: «ἐκεῖνοι τέκνον τό ἴδιον ποιοῦσι· ποιήσωμεν καί ἡμεῖς τό ἡμέτερον».

[23]Βίος ἕτερος Ἁγίου Παχωμίου 25, Halkin, σ. 193, 19-20.

[24]Ἀποκ. 21, 1-3.

[25]Πρός Διόγνητον ἐπιστολή, 5, 9.

[26]Μαντζαρίδης Γεώργιος, «Μοναχισμός καί πνευματική ἀποστολή τῆς Ἐκκλησίας», Πρόσωπο καί Θεσμοί, σσ. 165-66.

Monasterium.ru

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
https://imonspb.ru

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27